

Яновская против Яновской

Итак. «Гуд-бай, Америка!!!» — третий и пока последний спектакль Генриетты Яновской на сцене Московского театра юного зрителя. Он немало проясняет в нелегкой судьбе режиссера, но еще больше запутывает.

В Ленинград Яновская дебютировала в конце шестидесятых «Варшавской мелодией» Леонида Зорина — пьесой, в которой человек страдал по вине государства. По тем временам это был поступок. Выбором пьесы режиссер отреагировал от конъюнктуры и всяческой фальши. Отражаясь, впрочем, от слишком многого: не только от житейской благоустроенности, но и от возможности когда-нибудь создать свой театр. Но выбор был сделан: имя Яновской в той пору фигурирует среди гонимых, а главное — правдивых и искренних художников.

В Ленинграде она ставила драмы. В Москве — прозу и стихи. Чисто внешнее разделение, но в спектаклях Яновской это существовало. Главные спектакли ленинградской поры — «Вкус меда» Ш. Дилани и «Стекланный зверинец» Т. Уильямса — драмы-исповеди. Исповеди без утайки, но и без тени смущения — за этим вставали образы героев и героинь, свободных от предрассудков и застылых общественных норм молодых людей. Тип этот Яновская показала и разглядела на нашей сцене, как никто другой.

Иногда — юная Джэ и женственный Джеффри Ингрэм из «Вкуса меда» вечная девочка Лаура и вечный мальчик Том из «Стекланного зверинца» — были явлены среди труппы естественными людьми в жажде своих естественных прав. Но Яновская сумела разглядеть и излученность этих людей. Конечных жизненных драм оказывался трагичным, а борьба с обществом проигранной, герои познают страдание и печаль и втайне наслаждаются этим упоительным ощущением, капля за каплей, словно льют через солонку изысканный котлетный. За меланхолической героиней угнетавшаяся тоска постижения — тоска по чему-то, что взрастало бы унылым страданием жизни.

скомпрометировало тогдашний набор театральных отточенных формул и готовых ситуаций.

На пути к Москве два известных факта режиссерской судьбы: работа в Красноярском ТЮЗе и народном театре-студии «Синий мост» в Ленинграде. Красноярским шедевром Яновской критика называет «Плутни Скалена», а в Северной Пальмире долго судили-рядили о «Красной шалочке»... Легко и соблазнительно думать этими событиями продемонстрированный интерес режиссера к молодежной и детской проблематике. Но дело обстоит иначе.

Малый драматический в Ленинграде (осознано, что надо бы писать в Санкт-Петербурге, но пусть останется как было), где Яновская поставила лучшие свои спектакли, всегда был театром молодежным по духу, который охотно принимал всех театральных аутсайдеров. Так было при Ефиме Падее — так остается и при Льве Додине. Тут Яновская пришла со двору. Лейтмотив, проходящий через многие ее спектакли, был открыт здесь: юности и девушки изумительной грации, со строгими и непроницаемыми лицами. Образ строгой юной красоты — лирическая струна ее сдержанного искусства. Тут Яновская не только изясняла, но и человечила.

«Неужели я похожу на самоубийцу?» — воскликнула Генриетта Наумова, когда ей предложили возглавить Московский ТЮЗ, и... возглавила его. Приход в театр был скандальным. Но общественная ситуация изменилась — она оказалась на стороне режиссера. Судьба на этот раз была если не так щедра, то благосклонна к ней. Ленинградская шаль, всегда резко и красиво испадывая с плеч, заменяется спортивной униформой. Яновская становится Шахерезадой современной Москвы. Правда, Шахерезадой, которую уже не вдохнов-

ляет истории других людей, а более своя, собственная.

Все спектакли Яновской в ТЮЗе — «Собачье сердце», «Соловей», «Гуд-бай, Америка!!!» — автобиографичны. Конечно, речь о духовной биографии, не жизненной. Меняется герой спектаклей, меняется их форма и интонация, но главное — содержание и смысл. «За фантастическим сюжетом видится гуманистическая мысль о братолюбии интеллекта, о том, что невозможно привить культуру скоропалительным хирургическим методом», — писал академик А. Сахаров (впрочем, не утверждая адекватности персонажам и булгаковского первоисточника). Спектакль Яновской еще таит в себе и хранит тепло ее ленинградских постановок.

Очевидно и другое: режиссерская прямолинейность, прямолинейность трактовки персонажей (от Преображенского до Шарикова), прямолинейность трактовки мотивов. Главные: мотив духовного рождения и мотив человеческого вырождения. Обыв и полифоничность прежних спектаклей уступают место публицистичности, которой ранее Яновская стеснялась и стыдилась. Противопоставление арии из «Аиды» маршу революционной эпохи исчерпывается в первые десять минут.

Спектакль дважды автобиографичен. Предстоит решить: останусь ли верной своему оппозиционному таланту или полностью отдаюсь во власть новых веяний? «Актрисы, долгие годы не знавшие радости настоящего успеха, режиссер, два десятилетия блуждавшая в поисках постоянной работы в наших остывших театрах, — с восторгом писал критик, — кажется, нашли друг друга». Таким виделся главный итог спектакля.

О детях предпочли не вспоминать. Но мотив искус-

тей Торжественно! «демократия» и справедливость. А при слове «демократия» ныне привыкли вставать залом, как совсем недавно вставали при звуках «Интернационала».

О детях вспомнила Генриетта Наумова. И решила подарить им прекрасную сказку «Соловей». Все были в восторге! Оценили и тактическую мудрость режиссера — вот вам спектакль для детей... в детском театре. Смотрите, радуйтесь и не упрекайте за невнимание к юным.

«Чего-то мелкого сегодня многовато», — услышал, входя в ТЮЗ, Насторожило не пренебрежительное «мелюзга», но странность — куда же им еще идти, как не в сказку Андерсена?

Спектакль получился красивым (неизменный С. Бархин), но откровенно вымученным. До невозможного. Намеки, намеки, намеки... Намекают долго и нудно, до изнурительности, повторяя одну и ту же фразу. Про то, что в Китае — все китайцы, что сад был таким огромным, что даже Садовник не знал, где он кончается... Ясно — про нас, про нашу страну. Способ существования актеров при этом — якобы импровизационный и гротесковый. Похоже, правда, больше на крикливо. Но не в том дело — в концепции.

Соловей, которого ждешь уже с внутренним напряжением, явлен немолодым человеком в простой рубашке и мятых брюках, замыганным пальто, кепке и кирзовых сапогах. С папирской в зубах вваливается он на сцену, намекая, похоже, на пребывание на Соловках. Соловецкий Соловей, утверждает Яновская, вкладывая в его уста стихи Ахматовой, Пушкина, Мандельштама, Пастернака, Бродского.

Согласились бы с таким описанием их судьбы поэты (здравствует, как известно, один И. Ероцкий) — не знаю. Но «гонимости» — все же не главное в их жизни. Главнее — творчество. О чем забыто. Или Яновская так не считает? Для нее изгнание не личное. Но мотив искус-

венно атиснутый в андерсеновскую сказку, и прозвучал искусственно.

В «Собачьем сердце» люди живут на лепелище: в «Соловье» — в клетках птиц и люди; персонажи «Гуд-бай, Америка!!!» мучаются в пространстве, замкнутом стеной из ватников и фуфак...

Лиризм сменился публицистичностью, сострадание — озлобленностью... Цена путешествия из Ленинграда в Москву? Но в последней постановке достается и альфаматер режиссера: Мистер Твистер посещает не стольный невеликий град но ГЛАГ (меткое наблюдение В. Погорского), где у людей — ватные души и фуфакные сердца. Совсем не владеющие жанром шоу исполнители этого странного представления с каким-то судорожным упоением и лихорадочным наслаждением вселяются. Отчего бы? И лишь два горемыки, забитых, униженных, напоминают о бывшей Яновской, которая умела сочувствовать...

Поразительно, но промежуток между премьерой МТЮЗа постоянно растут, новой работы Яновской нет уже более трех сезонов. Театр, руководимый ею, все чаще и чаще сотрясает скандалы. Видимо, внешняя, номенклатурная, победа не принесла внутренней, духовной, радости. Ленинградские драмы были поэтичны и современны, московские стихи и проза оказались платаны и злободневны. Противоборство идет внутри художника: Яновская с Немы не хочет уступить Яновской столичной.

Константин МУХИН.

Р. S. Стало известно, что Генриетта Яновская репетирует «Иванова» А. Чехова. Спектакль оформляет С. Бархин, в главной роли — С. Шакуров. «ВК» желает режиссеру и ее театру творческой удачи!

На снимках: сцены из спектаклей «Собачье сердце» и «Гуд-бай, Америка!!!».

Фото Виктора БАЖЕНОВА.

РАЗЫГРЫ

